

ИСТОЧНИКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Время и характер славянской колонизации Новгородской земли до сих пор остаются одними из наиболее слабо разработанных вопросов древней истории Северо-Запада России. Письменные источники крайне скупо освещают период конца I тысячелетия н. э., в то время как археологические материалы еще не дают достаточно отчетливой картины. Вместе с тем приоритет ежегодно накапливающегося археологического материала в решении указанных вопросов несомненен.

Главной причиной того, что одни и те же археологические данные дают основу для совершенно противоположных исторических построений, на наш взгляд, является еще недостаточная источниковедческая классификация массовых археологических памятников, привлекаемых для решения вопросов славянской колонизации, — курганных древностей и поселений. Дело в том, что и в настоящее время, обращаясь к территории Новгородской земли, археолог вынужден в значительной степени опираться не на данные современных раскопок и обследований, а на фрагментарные, плохо документированные описания и сведения о раскопках второй половины XIX—начала XX в., сохранившиеся в архивных фондах и старых публикациях. Поскольку в дальнейшем многие памятники вообще погибли или были сильно нарушены, а новейшая информация накапливается довольно медленно, обойтись без учета этих материалов при решении широких проблем практически невозможно. В то же время их включение в научный оборот требует тщательного и всестороннего источниковедческого анализа архивных и опубликованных сведений.

В первую очередь все сказанное касается изучения сопок — массовых погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э., которые, как обычно утверждается в большинстве работ советских археологов, оставлены славянским племенем словен новгородских. На некоторые дискуссионные аспекты источниковедческого изучения сопок нам бы и хотелось обратить внимание в своей статье.¹

Сопки — огромные погребальные насыпи, достигающие порой 10—12 м высоты, разбросанные поодиночке или небольшими группами по берегам рек Северо-Запада России (Волхова, Ловаты, Мсты, Мологи, Луги и др.), уже давно привлекали внимание мно-

¹ В основу данной статьи легли материалы нашего доклада «О сопках Северо-Запада России», прочитанного 30 мая 1972 г. на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР. При подготовке статьи к печати автором учтены замечания и пожелания выступивших на обсуждении П. Н. Третьякова, А. Н. Кирпичникова, Г. Ф. Корзухиной, Ф. Д. Гуревич, В. А. Назаренко и др.

гих ученых. К сожалению, рассмотрение вопроса об их этнической принадлежности не сопровождалось необходимыми целенаправленными раскопками, а поэтому уже с самого начала изучения сопок наметился серьезный разрыв между их историческим осмыслением и историкоэтнографической базой.

Споры об этнической принадлежности сопок сводились к признанию их памятниками либо славян, либо скандинавов, по единого мнения так и не было выработано.² Главной причиной являлось состояние фактического материала, который можно было интерпретировать в зависимости от меняющейся общенациональной концепции. В отличие от раскопок других погребальных памятников новгородчины раскопки сопок наиболее трудоемки, в то время как получаемый в итоге материал обычно невелик, что подчас заставляло исследователей воздерживаться от их изучения. Те материалы, которые все же были получены, требуют очень осторожного использования, поскольку раскопки курганов траншеями и различными выемками, что было свойственно дореволюционной методике, малоэффективны именно для сопок-памятников со сложной структурой, сохраняющих следы разнообразных погребальных ритуалов. Такие раскопки дают не всю совокупность элементов данного комплекса, а отдельные, случайно выхваченные из общего «контекста» памятника детали. Кроме того, как результат беспорядочного накопления разрозненных данных сведения о сопках фрагментарны и далеко не равноценны по отдельным районам, а их документация оставляет желать много лучшего.

² Н. Е. Браденбург. Курганы Южного Приладожья. Материалы по археологии России, СПб., 1895, № 18; А. А. Спицын. 1) Расселение древнерусских племен по археологическим данным. Журнал Министерства народного просвещения, 1899, вып. VIII; 2) Сопки и жалышки. Зап. Русск. археол. общества (далее — ЗРАО), СПб., 1899, т. XI, вып. 1—2; 3) Археологические разведки. СПб., 1908; 4) Археология в темах начальной русской истории. В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1922; Н. И. Ренников. Старая Ладога. В кн.: Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, вып. VII. 1915; В. И. Равдоникас. Допристорическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924; W. Raudonikas. Die Normannen der Vikingzeit und Ladogagebiet. Stockholm, 1930; П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА), 1941, № 6. — Зарубежные исследователи всецело поддерживали точку зрения о норманнской принадлежности сопок. См.: T. Arne. 1) Svenska vikingakolonier i Ryssland. In: T. S. Arne. Det stora Nvittjod. Essayer om garga tidens svenska-ryska kulturförbindelser. Stockholm, 1917; 2) Det vikingatida Gnezdovo Smolensk forgangare. Arkeologiska forskningar och fynd. Stockholm, 1952; A. M. Tallgren. Les provinces culturelles finnoises de l'age récent de fer dans la Russie du nord. ESA, III, Helsinki, 1928; B. Nerman. 1) Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der junger Eisenzeit. Stockholm, 1929; 2) Svenska karna i ostbaltiska länder och i Ryssland «Nordisk kultur», Bd. I. Oslo, 1936; E. Kivikoski. Studien zu Birkas. Handel in Östeichen Ostseegbiet. Acta ar archaeologica. Kobenhavn, 1937, t. VIII, h. 3; H. Arbm an. Birka. Bd. I. Uppsala, 1943.

Так же стихийно, как и накопление фактического материала, шла выработка самого определения сопки. Исследователи, вполне естественно, в первую очередь обратили внимание на значительную высоту некоторых насыпей, обычно выгодно подчеркнутую их расположением на высоких берегах, в излучинах рек. Именно такие насыпи и стали называть сопками. Для отличия сопки от «просто кургана» исследователи стали вводить некую условную высоту. Так, А. А. Спицын в своей статье «Сопки и жалынки» писал, что «название сопки можно усвоить высоким курганным насыпям Новгородской области и таким же собственно русским насыпям других древнерусских земель. Целые пересохшие насыпи ниже 4 арш. удобнее называть просто курганами». По его мнению, «сопки имеют наибольшее распространение в новгородских землях, но они найдены и отчасти исследованы также в Смоленской, Черниговской, Киевской и Древлянской областях».³

Попытка дать «систематическую, по возможности исчерпывающую сводку» сопки и тем самым как-то упорядочить случайно накапливаемый материал была сделана в 1938 г. В. С. Пономаревым. Автор, основываясь только на раскопанных сопках (83 насыпи в 43 пунктах), провел их классификацию «по типам погребального обряда» и разделил сопки на две группы и семь типов, проследив распространение типов по отдельным районам. В. С. Пономарев сконцентрировал свое внимание на рассмотрении внутреннего содержания сопки, но первоначальным принципом, на основе которого был произведен отбор курганов для анализа, была их высота. В. С. Пономарев относил к сопкам все курганы выше 3 м. И хотя автор в отличие от А. А. Спицына высокие курганы южнорусских земель сопками не считал, в его каталог попало немало насыпей, которые последующие исследователи относили к сопкам лишь предположительно или вообще не упоминали. Отвергая принадлежность сопки норманнам, В. С. Пономарев полагал, что они являются погребальными памятниками социальной верхушки местного общества эпохи разложения родового строя (этнической характеристики этого «местного общества» автор не дает). К сожалению, работа В. С. Пономарева так и не была издана.⁴

Своеобразным рубежом в исследовании сопки явилась публикация в 1941 г. работы Н. Н. Чернягина «Длинные курганы и сопки». Автор свел все сведения о сопках в один каталог, насчитывающий 369 пунктов местонахождений сопки, сопроводив его первичной характеристикой памятников и рядом общих наблю-

³ А. А. Спицын. Сопки и жалынки, с. 144.

⁴ В. С. Пономарев. Новгородские сопки. Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (далее — Архив ЛОИА АН СССР), ф. 35, оп. 2, д. № 155, 1938 г.

лений.⁵ В отличие от В. С. Пономарева Н. Н. Чернягин учитывал не только раскопанные, но и совсем не исследованные насыпи, относя к сопкам все курганы выше 2 м. Такой подход был обусловлен возможностями материала, фактологической базой, на которую мог опираться Н. Н. Чернягин. В своей работе Н. Н. Чернягин неоднократно подчеркивал, что принятый «размер от 2 м отвесной высоты и более является условным», что признака величины еще недостаточно для того, чтобы характеризовать те памятники, которые являются собственно сопками.⁶ Датируя сопки в основном VI—VIII вв., а наиболее позднее — IX—X вв., Н. Н. Чернягин пришел к выводу, что «распространение этих памятников в старых славянских областях и существование черт преемственности с ними более поздних (IX—X вв.) славянских курганов с трупосожжениями» дают основание поставить вопрос о принадлежности сопок «новгородским словесам начальной летописи», хотя «его решение еще нуждается в дополнительном материале».⁷

В последующие годы в советской археологической литературе преобладала точка зрения о славянской принадлежности сопок,⁸ но продолжались попытки выделения и северных норманнских черт в их погребальном обряде.⁹ Из послевоенных работ следует отметить исследование, проведенное В. В. Седовым, в результате которого автор сделал вывод о возможности выделения «по особенностям сооружения и по деталям погребального обряда» трех типов сопок: псковского, ладожского и ильменского. В сопках псковского типа, по мнению В. В. Седова, остатки сожжения помещались в бревенчатую домовицу или каменный инцик из плит, в сопках ладожского типа внутри каменного кольца, в их основании, и в насыпи обычны разнообразные каменные сооружения (площадки, стенки, кладки), на которых помещались остатки сожжения, встречающиеся также и в толще насыпи, а для наиболее многочисленных сопок ильменского типа характерно каменное кольцо в основании и сооружение насыпей в несколько этапов с погребениями на разных ярусах. В. В. Се-

⁵ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, 1941, № 6, с. 93—148.

⁶ Там же, с. 95—96.

⁷ Там же, с. 93, 96.

⁸ Н. Н. Третьяков. 1) Восточнославянские племена. М., 1953; 2) Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966; С. П. Орлов. 1) Сопки волховского типа около Старой Ладogi. Советская археология (далее — СА), 1955, т. XXII; 2) Новые сведения о сопках волховского типа в районе Старой Ладogi. СА, 1958, № 1; В. Б. Вильямпяхов. 1) Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена. В кн.: Сканд. сборник, вып. VI. Таллин, 1963; 2) По поводу некоторых замечаний Н. Н. Третьякова. СА, 1970, № 1, и др.

⁹ Н. В. Тухтияна. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа. В кн.: Славяне и Русь. М., 1968; Н. Arvman. *Byvng i österviking*. Stockholm, 1955.

дов отметил, что в сопках племенического типа, как и в ладожских, «иногда тоже встречаются единичные каменные сооружения, но здесь они не связаны с погребениями».¹⁰

Вместе с тем на фоне возросшего уровня археологической науки «проблема сопок» стала выделяться своей крайне слабой разработанностью. Подводя итог развитию славянской археологии за 50 лет, М. И. Артамонов прямо отметил, что «вопрос о сопках принадлежит к числу наиболее темных в русской археологии».¹¹ Исследователей особенно смущала сама возможность выделения в особую группу — группу сопок — части курганов Северо-Запада на основании главным образом их значительной высоты. Наиболее полно этот взгляд был изложен в последних работах И. И. Ляпушкина, который, отметив негативные стороны применяемой классификации сопок, к сожалению, не развил своего понимания этой группы погребальных памятников. И. И. Ляпушкин лишь кратко отметил, что только «небольшая группа волховских и ловатских курганов с камешными конструкциями и со сложным погребальным ритуалом должна быть отнесена к курганам-сопкам в собственном смысле слова».¹²

В связи с возросшим в последние годы интересом в среде советских археологов к проблемам древней истории Северо-Запада необходимость нового широкого обобщения всех сведений о сопках проявилась со всей отчетливостью, тем более что предыдущая их сводка, проведенная Н. Н. Чернягиным, уже с момента своего издания в 1941 г. стала библиографической редкостью.¹³ Исследование такого рода было проведено известным советским археологом-славистом В. В. Седовым, а его результаты опубликованы в 1970 г. в книге «Новгородские сопки», вышедшей в серии «Своды археологических источников» (САИ).¹⁴

Согласившись с высказанными в литературе критическими замечаниями о классификации сопок, В. В. Седов предложил иные, более определенные общие критерии для выделения и анализа сопок, помимо их высоты. Он заново проанализировал все имеющиеся сведения о сопках и в своем опубликованном ката-

¹⁰ В. В. Седов. Кривичи и словене. Автореферат канд. дисс. М., 1954, с. 6—7.

¹¹ М. И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, с. 66.

¹² И. И. Ляпушкин. 1) Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII—IX вв.). В кн.: Культура древней Руси. М., 1966; 2) Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). МИА, 1968, № 152, с. 118.

¹³ Весь тираж тома «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА, 1941, № 6), где была напечатана работа Н. Н. Чернягина, за исключением нескольких экземпляров, полученных авторами, погиб в издательстве в самом начале войны.

¹⁴ В. В. Седов. Новгородские сопки. САИ, М., 1970, вып. Е1-8.

что учел только 319 пунктов из 369, имевшихся в сводке сопок Н. Н. Чернягина. Кроме того, В. В. Седов дополнил сводку сопок сведениями о 160 новых пунктах, из которых основная масса открыта во время археологических разведок послевоенных лет, а меньшая часть получена в результате дополнительного изучения старых материалов. Помимо этого, автор в значительной степени уточнил данные о многих сопках, известных Н. Н. Чернягину. В итоге работы было учтено 479 пунктов местоположений сопок, из которых 15 включены в это число условно. За 30 лет, прошедших с момента выхода в свет книги Н. Н. Чернягина, наши знания о внутреннем устройстве сопок почти не изменились: были раскопаны лишь четыре разрушавшиеся насыпи, причем три из них исследованы в Старой Ладоге — районе, где эти памятники изучены наиболее полно.¹⁵ Таким образом, по существу при классификации сопок В. В. Седов (при рассмотрении их внутреннего устройства) был вынужден основываться на той же источниковедческой базе, что и Н. Н. Чернягин, дополненной данными разведок. А она характеризуется тем, что раскопки проводились в 36 из 479 известных пунктов, где учтено более тысячи отдельных насыпей, а исследовано только «60 с лишним» сопок, причем подавляющее большинство — до революции (в советское время раскопано всего 8 насыпей).¹⁶

Вполне естественно, что, имея в своем распоряжении такой материал, В. В. Седов предпринял попытку найти общие отличительные черты сопок, помимо их высоты, среди их внешних признаков.¹⁷ По его мнению, «два весьма характерных внешних признака выделяют новгородские сопки из высоких курганов других древнерусских земель» — каменное кольцо в их основании и площадка, близкая горизонтальной, на вершине.¹⁸ Это

¹⁵ Все количественные подсчеты даны нами на основании материалов, известных ко времени выхода в свет исследования В. В. Седова. Данные раскопок последних лет в общих подсчетах не фигурируют.

¹⁶ Исследованными считаются все сопки, на которых проводились какие-либо земляные работы. Недостатки применявшихся способов при раскопках сопок нами уже были отмечены ранее. Следует сказать, что даже раскопки одного из лучших дореволюционных археологов Н. Е. Бранденбурга дают далеко не полную картину погребального обряда и этапов сооружения сопок. В результате проведенных в последние годы в Старой Ладогe полных раскопок («на снос») насыпей, уже исследованных в свое время Н. Е. Бранденбургом, было получено много новых ценных материалов (раскопки отряда Ладожской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством В. П. Петренко).

¹⁷ В своем исследовании В. В. Седов не пишет, как следует отнестись к выделенным им ранее по особенностям сооружения и деталям погребального обряда группам волховских и ловатских сопок (см. его работу «Кривичи и словене»). Что касается огромных насыпей с деревянными камерами в районе Пскова (псковский тип сопок), то В. В. Седов вообще ставит под сомнение возможность их отнесения к сопкам и включает их в каталог лишь условно.

¹⁸ В. В. Седов. Новгородские сопки, с. 5.

крайне важные выводы, поскольку выделение таких признаков подразумевает, что мы можем распознавать сопки среди прочих высоких курганов до их раскопок; это дает своеобразный «ключ» к их картографии.¹⁹ В свою очередь именно картография сопок «в основном в Приильменском бассейне» является одним из главных аргументов для доказательства их принадлежности славянам вообще и словенам новгородским в частности.

Указанные два признака сопок отмечались исследователями (А. А. Слицын, В. С. Пономарев, П. Н. Третьяков, Н. Н. Червягин) неоднократно, но в отличие от них В. В. Седов считает эти признаки «обязательными», характерными для всей массы сопок, и рассматривает их отсутствие у отдельных насыпей как исключение из правила. Проверить эти положения по самой работе В. В. Седова, к сожалению, весьма сложно. Дело в том, что непосредственно в каталоге, составляющем источниковедческую основу работы, где дается краткая характеристика каждой группы сопок, отсутствует информация об этих признаках. И в самом тексте работы нет подсчетов того, в скольких пунктах зафиксированы плоские вершины и каменные кольца в основании насыпей, в скольких они отсутствуют, а для скольких просто нет достоверной информации.²⁰ Собранный нами материал дает возможность уточнить выводы В. В. Седова.

Логично предположить, что если выделенные автором внешние отличительные признаки сопок являются типичными для всех учтенных насыпей (или по крайней мере для их подавляющего большинства), то яснее всего они должны выступать

¹⁹ В. В. Седов на практике применяет выделенные им критерии. Poleмизируя с В. А. Уртаном о том, что среди круглых курганных насыпей Восточной Латвии конусообразные курганы являются наиболее ранними и датируются, судя по раскопкам в Пасиене и Скрипчине, VI—IX вв., В. В. Седов заключает: «Конические курганы Латвии, как и подобные насыпи Себежского поозерья, с которыми их сравнивает В. Уртан, вовсе не напоминают сопки новгородских словен. Последние отличаются от обычных курганов не только своими размерами: *обязательными* (курсив здесь и далее наш, — Е. Н.) для них деталями являются каменная обкладка основания и площадка, близкая к горизонтальной, на вершине» См. рецензию В. В. Седова на «Archeologija un etnografija», t. VIII (Riga, 1968) в СА (1971, № 2, с. 300).

²⁰ К примеру, фраза в тексте о том, что на р. Мсте кольца из камней «при разведках отмечены в десятках пунктов» (В. В. Седов. Новгородские сопки, с. 12), не подкрепляется данными каталога. Из 132 пунктов местонахождений сопок, учтенных В. В. Седовым в бассейне р. Мсты и в водоразделе Мсты и Ловати, каменные кольца в их основаниях указаны автором лишь для 6 пунктов, в которых проводились раскопки, — № 186 (сведения приводятся лишь в тексте работы, см.: там же, с. 12), 200, 201, 261, 270, 275; кроме того, для насыпи у дер. Лъзы (№ 277) отмечена ее обкладка камнями «сверху донизу» (там же, с. 39—43). Для нераскопанных и ненарушенных сопок данного района каменные кольца в их основаниях дореволюционными исследователями обычно не отмечались. Среди обследованных нами сопок по р. Мсте (Сурики, Захарово, Коньково, Пехово, Перемыт и др.) также не удалось обнаружить при их внешнем осмотре каменной обкладки насыпей по основанию.

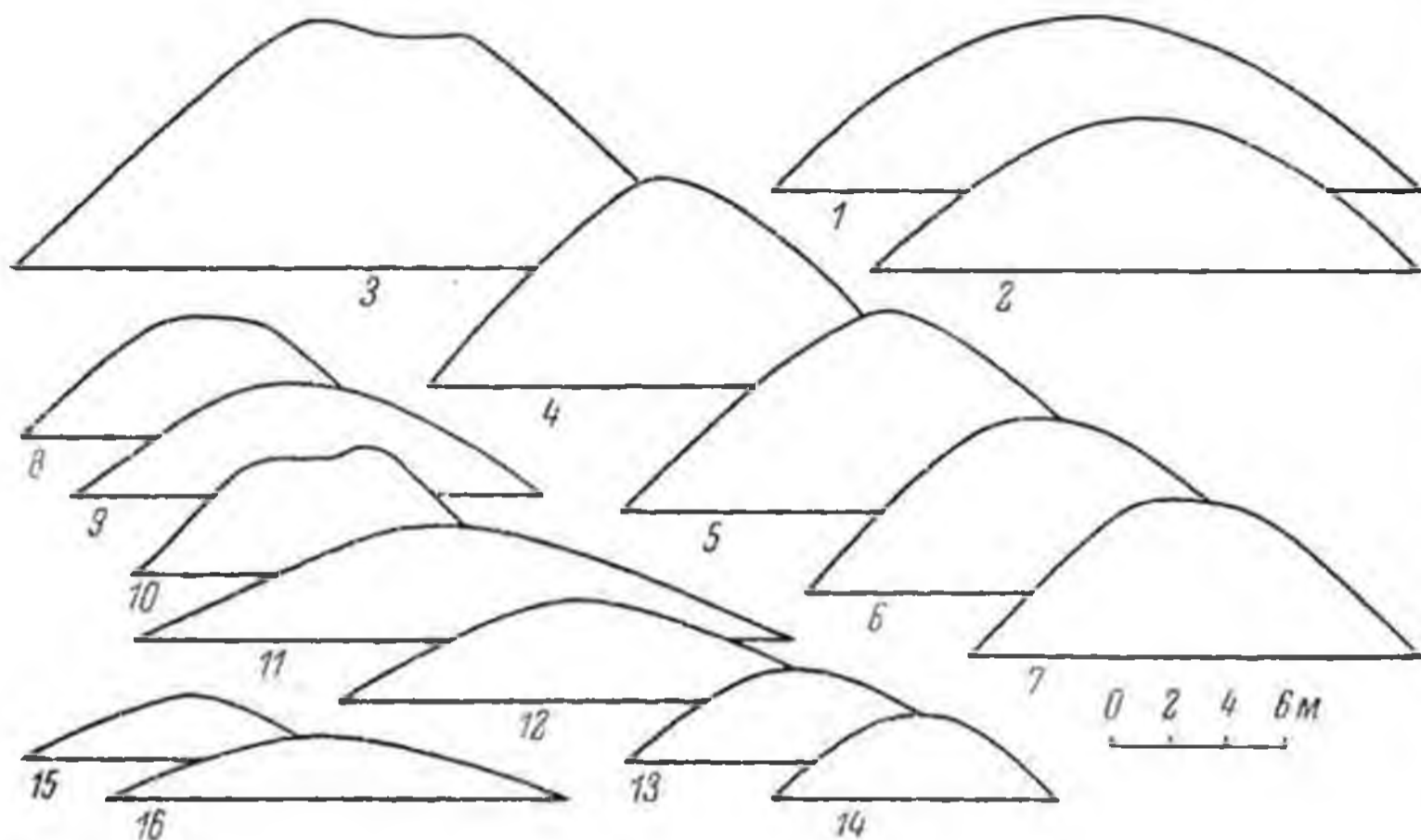
в районах, изученных археологами наиболее полно. Это в первую очередь относится к сопкам в окрестностях Старой Ладogi по р. Волхову. Они являются своего рода классическими памятниками этого типа, и принадлежность их к собственно сопкам ни у кого не вызывает сомнений. Касаясь значения материала волховских насыпей для решения проблемы сопок вообще и для исследования В. В. Седова в частности, достаточно сказать, что общая хронология сопок в настоящее время строится только на основании этого материала и лишь очень осторожно может быть распространена на другие территории.²¹ Из всех известных староладожских сопок раскопано около одной трети (16), кроме того, имеются достаточно полные их описания и обмеры.²² Сопки низовьев Волхова неоднократно осматривались и нами. Весь комплекс собранных данных показывает, что специальных горизонтальных площадок на вершинах рассматриваемых сопок как особой детали их устройства, обусловленной определенными ритуальными представлениями насыпавших их людей, не было. Большой интерес для выяснения этого вопроса представляют материалы разведок Н. Н. Чернягина 1929 г., заставшего сопки по р. Волхову в гораздо лучшей сохранности, чем все последующие исследователи. Результатом этих работ явилась составленная Н. Н. Чернягиным, но неопубликованная «таблица типологии волховских курганов», включенных им в свою сводку как «сопки».²³ В таблице помещены профили насыпей района Старой Ладogi, Новых Дубовиков, Горки, Подсопья, Вындина острова, но все насыпи, включенные в нее, независимо от размеров и формы имеют округлую вершину (см. рисунок). Эти данные в совокупности с данными отчета показывают, что правильнее всего характеризовать вершины волховских сопок как «сглаженные полусферы». Необходимо подчеркнуть, что все насыпи, для которых Н. Н. Чернягин отмечает более плоский верх, имеют обычно следы ям и перекопов на вершинах, в результате запыления которых и создается видимость уплощенности. Автор учитывал это обстоятельство и старался включить в свою таблицу ненарушенные насыпи. В дальнейшем состояние сопок постоянно ухудшалось (особенно в военное время), что влекло за собой искажение их первоначальной формы, но картина, зафиксированная Н. Н. Чернягиным, еще во многом оставалась прежней. В своей статье С. Н. Орлов, характеризуя староладожские сопки по их внешнему устройству, писал, что первую группу, «наиболее многочисленную», составляют «высокие насыпи, круглые в плане, крутобокые, округлые сверху», средний диаметр которых

²¹ В. В. Седов. Новгородские сопки, с. 27—28.

²² В. А. Назаренко. О работах Волховского отряда. В кн.: Археологические открытия 1970 г. М., 1971, с. 4.

²³ Н. Н. Чернягин. Отчет по маршрутной рекогносцировке по р. Волхову в 1929 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, д. 122, 1929 г., л. 49.

около 16 м и высота около 5 м, а во вторую группу входят «низкие насыпи, уплощенные сверху, с круглыми основаниями и крутыми боками, поднимающимися на высоту 2—2.5 м».²⁴ Наше обследование сопки низовьев Волхова показало, что наблюдения Н. Н. Черныгина в целом правильны. Все сопки хорошей сохранности имеют полусферическую вершину, и горизонтальные площадки не прослеживаются. Что касается невысоких насыпей,

Профили сопки низовьев Волхова (по Н. Н. Черныгину, Архив ЛОИА АН СССР).

1 — Выдин остров (№ 324 по каталогу В. В. Седова); 12 — Подсопье (№ 323); 3, 8, 15 — Велеша (№ 335); 4, 16 — Горчаковщина (№ 336); 5 — Горка (№ 325); 6, 7 — Новые Дубовики (№ 328); 9, 12 — Княщино (№ 329); 10, 13, 14 — Плакун (№ 334); 11 — Наволок (№ 337).

выделенных С. Н. Орловым во вторую группу, то не вызывает сомнения, что в нее попали сопки с нарушенной или раскопанной вершиной, впоследствии оплывшей.²⁵ Единственным исключением среди сопки низовьев Волхова является насыпь у с. Октябрьского (бывшее село Михаила Архангела). Раскопавший ее Н. Е. Бранденбург отметил на вершине сопки площадку диаметром около 6 м.²⁶

В. В. Седов оговаривает факт возможного отсутствия у ряда сопки плоских вершин, отмечая, что «среди высоких погребальных сооружений Новгородской земли имеются насыпи, уплощенность вершины которых выражена слабо», автор объясняет это

²⁴ С. Н. Орлов. Сопки волховского типа..., с. 191.

²⁵ Видимо, в этом же плане следует рассматривать замечание А. А. Спицына о том, что «староладожские сопки имеют в вышину не менее 5 арш., так как насыпи меньшей высоты уже носят следы разрушения» (Сопки и жалынки, с. 142).

²⁶ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья, с. 139.

том, что, поскольку «сопки эволюционно связаны с новгородскими полусферическими курганами X—XIV вв.», «насыпи со слабо уплощенными вершинами занимают промежуточное положение между сопками и курганами». Переходный характер сопок со слабо уплощенным верхом, как считает В. В. Седов, подтверждается и их средними размерами — они «ниже усеченно-конических сопок и выше полусферических курганов».²⁷ Для рассмотренных сопок эти объяснения нельзя считать убедительными, поскольку отсутствие плоских вершин у волховских сопок как особой детали устройства насыпи — не исключение, а черта, присущая всем насыпям независимо от размеров и формы и наиболее ярко выраженная у самых высоких — классических — сопок, а не у некоего «усредненного» варианта.

Второй внешний признак сопок, выделенный В. В. Седовым, — каменные кольца из валунов в их основаниях — для нераскопанных волховских сопок (т. е. для большинства насыпей этого района) неизвестен. Дело в том, что, хотя каменные кольца и относятся В. В. Седовым к внешним признакам, обнаружить их, как показывают наши наблюдения, можно лишь за некоторым исключением при раскопках или в случаях разрушения насыпей. Характерной чертой раскопанных волховских сопок является наличие в насыпях разнообразных каменных конструкций. Среди них различные площадки, кучи камней, стенки и, наконец, каменные кольца, переходящие иногда в сплошную обкладку нижних склонов сопок. Рассматривать последнюю конструкцию вне всего комплекса каменных сооружений той или иной сопки нет оснований. Встречена она не во всех раскопанных насыпях.²⁸ Именно каменные сооружения и сложный погребальный ритуал, по мнению И. И. Ляпушкина, определяют своеобразие волховских сопок и позволяют относить их наряду с ловатскими насыпями к «курганам-сопкам в собственном смысле слова».²⁹ Эти же детали сопок называемых Волхова дали возможность Н. В. Тухтиной рассматривать их обособленно от сопок других районов и считать эти насыпи погребальными памятниками скандинавов.³⁰ В. В. Седов, который ранее также выделял сопки волховского типа в особую группу, в последней работе, полемизируя с Н. В. Тухтиной, отметил, что «каменные кладки не составляют особенности волховских сопок», они «рас-

²⁷ В. В. Седов. Новгородские сопки, с. 5.

²⁸ В этом мы еще раз убедились во время проведенных нами в 1971—1973 гг. раскопок огромного кургана (высотой 6,2 м) у дер. Малое Чернавино в Старой Ладого, включенного И. И. Черпачиным и В. В. Седовым в число сопок. При исследовании этой хорошо сохранившейся сопковидной насыпи не найдено ни каменных колец, ни каких-либо иных каменных конструкций.

²⁹ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы..., с. 118.

³⁰ Н. В. Тухтина. Об этнической принадлежности..., с. 188—193.

пространены по всему ареалу сопок», а поэтому «выделение волховских сопок по этому признаку неоправданно».³¹

Обратимся теперь к бассейну р. Молога — району, где сопок археологически исследованы, пожалуй, наиболее плохо и учтены В. В. Седовым главным образом по краеведческому дореволюционному изданию В. А. Плетнева. Основная часть данных была собрана В. А. Плетневым еще до 1884 г. и тогда же опубликована, впоследствии они с некоторыми дополнениями вошли в его книгу, на которую и ссылается В. В. Седов.³² Источник сведений В. А. Плетнева — краткие, порой противоречивые сообщения о древностях волостных правлений, священников, землевладельцев. В свое время Н. Н. Чернягин для составления своей сводки отобрал из работ В. А. Плетнева все насыпи выше 2 м и отнес их к сопкам. Безусловно, особо полагаться на такие данные нельзя. Работая над такими неотчетливыми материалами В. А. Плетнева, В. В. Седов установил, что ряд насыпей, учтенных Н. Н. Чернягиным, на самом деле является городищами Уменицы, Полонское, Орлов городок.³³ Сам В. В. Седов учел по данным только В. А. Плетнева 33 пункта.

Каменные кольца в основании насыпей для всех учтенных, по данным В. А. Плетнева, пунктов неизвестны. Для подтверждения того, что эта деталь конструкции присуща и сопкам по р. Мологе, В. В. Седов приводит сведения: в группе у дер. Городище (№ 439), состоящей из 33 сопок и курганов, в 1878 г. помещиком Карауловым в одной из пяти раскопанных сопок было обнаружено два concentрических кольца из камней. Обратимся к первоисточникам. В книге В. А. Плетнева приводится сообщение Караулова о том, что у дер. Городище имеется «длинная, узкая возвышенность, почти на всем своем протяжении покрытая курганами или сопками», которых «насчитывается до 90 экземпляров», причем «все описываемые сопки или курганы имеют конусообразную форму с тупою вершиною», а «очень немногие из них при основании обложены камнями в несколько рядов вверх и внутрь» (по данным другого корреспондента В. А. Плетнева, курганы «большую частью обложены булыжником и камнем, иногда и плитою»). Высота насыпей, по Караулову, — от 1.4 до 6.3 м. Он раскопал 5 курганов. В одном из них у вершины были найдены кости, «совершенно истлевшие, обугленные», по мнению Караулова, попавшие в насыпь случайно. В остальных четырех курганах захоронений не обнаружено, но один из них был обложен камнями в два concentрических круга (высота этой насыпи Карауловым не ука-

³¹ В. В. Седов. 1) Кривичи и словене, с. 6, 7; 2) Новгородские сопки, с. 29.

³² В. А. Плетнев. 1) О курганах и городищах в Тверской губернии, Тверь, 1884; 2) Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903.

³³ В. В. Седов. Новгородские сопки, с. 8.

...). Никаких оснований считать ее сопкой у нас нет, тем более что еще один корреспондент В. А. Плетнева Воронцов сообщал: «... по разрытию сопки находили в ней по одному человеческому костяку среди угольев», а «сбоку скелета глиняный горшок». Определяя количество насыпей в группе (33 сопки п кургана), В. В. Седов основывался на данных Воскресенского, сообщавшего В. А. Плетневу о 33 сопках по счету крестьян, но у В. А. Плетнева есть сведения и других лиц о числе насыпей — 23, 36, 50, 90, 300. Отдавать предпочтение одному из них нет оснований.³⁴

Судить по данным В. А. Плетнева о плоских вершинах можно лишь с большой степенью условности, поскольку научное описание, а тем более графическая документация насыпей отсутствуют. Для многих из них в работе В. А. Плетнева вообще не указан характер вершин. В тех же случаях, когда это специально оговорено, то имеются сведения как о насыпях «с небольшою паверху ровною площадкой» (№ 189, 410, 412, 419, 421, 427, 428, 430, 431, 433, 434), так и о насыпях (правда, представленных в песколько меньшем числе, чем предыдущие) «с закругленной вершиной» или «с острокопечным верхом» (№ 221—223, 414, 415, 418, 432), причем отсутствие уплощенности вершин отнюдь не зависит от высоты курганов.³⁵ Таким образом, полное отсутствие сведений о каменных кольцах в основании и несчетливость сведений о плоских вершинах, по данным Плетнева, не помешали Седову включить огромные курганы по р. Мологе в число сопки.

На таких плохо документированных материалах Плетнева надо очень осторожно делать более общие выводы. Например, В. В. Седов приходит к выводу о том, что «примерно половину всех сопки» из общего числа учтенных «составляют насыпи от 3 до 5 м высотой», которые «вместе с сопками меньших размеров составляют 60—74% всех обмеренных насыпей», и подводит итог, «что исключением является бассейн Мологи, который вообще характеризуется более крупными курганными насыпями. Здесь сопки до 5 м высотой составляют около 40%, а треть всех насыпей имеет высоту свыше 7 м».³⁶ По нашему мнению, эти различия в высоте насыпей во многом являются не свидетельством каких-то особенностей погребального обряда населения по р. Мологе, а результатом примитивного измерения их высоты лицами, весьма далекими от науки. В тех случаях, когда имеются данные об одном памятнике, полученные из разных источников, они редко совпадают. Приведем ряд примеров. Если по сведениям священника две сопки в пункте 414 (Дудиха) имеют высоту 10 м, то по сообщению пристава их высота лишь 5 м. В пункте 415

³⁴ В. А. П л е т н е в. Об остатках древности... с. 496—502.

³⁵ Там же, с. 327, 334, 338—340, 363, 429, 430, 432, 473 и др.

³⁶ В. В. С е д о в. Новгородские сопки, с. 10.

(Дудиха) по данным волостного правления высота сопки 12 м, по данным же пристава — 6 м.³⁷ В. В. Седов считал меньшие цифры более близкими к истине и указал их в сводке, Н. Н. Черныгин, наоборот, в свой каталог предпочел включить большие размеры.³⁸ Для уже упомянутых сопки у дер. Городище (№ 439) В. В. Седов указывает наибольшую высоту — 17 м, используя сведения Воскресенского, а по данным Караулова самые значительные насыпи достигают лишь 6.3 м.³⁹ В ряде случаев объяснение огромным размерам насыпей мы находим в указаниях на способ измерения их высоты. Так, в пункте № 221 (Мерлугино), где известны 2 сопки, местным приставом была измерена их высота, которая оказалась равной 14 и 4 м, по данным же волостного правления их высота 14 и 6 м, но есть важное указание, что измерения производились «по откосу».⁴⁰ Для сопки в пункте № 222 (Никольско-Удомельский погост) В. В. Седовым в каталоге отмечена высота 8 м; по сообщению же волостного правления она действительно 8 м, но «по откосу».⁴¹ Без новых полевых изысканий невозможно определить, в каких пунктах корреспондентами В. А. Плетнева измерена реальная высота насыпей, а в каких — высота «по откосу». Но и сейчас трудно поверить в правильность указанных соотношений высот и диаметров у наибольших сопки в пункте № 430 (Парьево) — высота 16.8 м при диаметре 25.4 м и высота 12.6 м при диаметре 18 м — или сопки в пункте № 432 (Покровское) — высота 19 м при диаметре 27 м, и т. д.⁴² В. В. Седов включает в число сопки две насыпи у дер. Фальково (№ 429), не учтенные Н. Н. Черныгиным, первая из них имела высоту 29.5 м и диаметр около 100 м, вторая — высоту 16.8 м и диаметр около 86 м, у обеих «верх площадкой».⁴³ Скорее всего это вообще не погребальные памятники, а естественные всхолмления или городища. Такой же разноречивости сведений наблюдается и в вопросе о количестве насыпей в отдельных пунктах.

В поисках выделенных В. В. Седовым «внешних» отличительных признаков сопки мы рассмотрели материал двух очень разных по своей изученности областей. Такой анализ можно было бы продолжить и дальше, но принципиально иной картины это нам не даст. Собранные материалы показывают, что выводы В. В. Седова о плоских вершинах и каменных кольцах в основаниях как

³⁷ В. А. Плетнев. Об остатках древности..., с. 334—335.

³⁸ В. В. Седов. Новгородские сопки, с. 48. — В сводке Н. Н. Черныгина оба пункта значатся под № 469 (Длинные курганы..., с. 128).

³⁹ В. В. Седов. Новгородские сопки, с. 49; В. А. Плетнев. Об остатках древности..., с. 497—501.

⁴⁰ В. А. Плетнев. Об остатках древности..., с. 338.

⁴¹ Там же, с. 339—340.

⁴² Там же, с. 350, 473.

⁴³ Там же, с. 351.

и внешних и «обязательных» признаках сопок требуют своего уточнения.

Для значительной части учтенных В. В. Седовым сопок характер вершин в имеющихся источниках вообще не указан. (Это вытекает из многочисленных сведений из работ И. С. Романцева, В. А. Плетнева, В. Н. Глазова, П. Любомирова и др.). В тех же случаях, когда такая информация представлена (как, например, для части сопок, учтенных по В. А. Плетневу), использовать ее надо очень осторожно. Разграничить сведения о насыпях со специально созданными в древности горизонтальными площадками на вершинах и о насыпях с уплощенными вершинами, которые образовались случайно или только казались такими дилетанту, по имеющимся данным весьма сложно. Как уже указывалось, далеко не всегда сопки сохранили ко времени фиксации их внешней формы свой первоначальный вид. Всевозможные заплывшие перекопы, осыпи и т. д. на вершинах сопок, позднейшие захоронения, впускные и сопровождавшиеся присыпками насыпей, сильно изменили их форму.⁴⁴ Правильно решить вопрос о характере вершины при внешнем осмотре сопки (и то далеко не всегда) может лишь специалист-археолог, а в нашем распоряжении имеются описания, сделанные, как правило, людьми случайными и весьма далекими от науки, которые оставили нам свое общее впечатление о форме насыпи (графической и фотографической документации, естественно, вообще нет), а не четко зафиксированный научный вывод. Как показывают наши наблюдения, характеристика сопок многими лицами как насыпей «усеченно-конической формы» совсем не равнозначна констатации у них плоской вершины как специфической детали архитектуры насыпи, поскольку любая высокая крутобокая насыпь при сравнительно небольшом диаметре при взгляде со стороны имеет форму усеченного конуса. Вершины таких сопок могут быть близкими к горизонтальным и полусферическими (вполне естественно, что песчаная или суглинистая насыпь не могла оканчиваться острым углом, т. е. быть строго конической формы). Для районов, хорошо археологически исследованных, картина очень нестрай. Как мы уже показали, для сопок низовьев р. Волхова (за исключением сопки у дер. Октябрьское) горизонтальные площадки вообще нехарактерны и насыпи имели вершину полусферической формы. Аналогичную форму имели все хорошо сохранившиеся сопки из осмотренных нами в среднем течении р. Мсты (Золотое Колено, Сурики, Захарово и др.), которые порой действительно были похожи, по образному выражению П. Любоми-

⁴⁴ Часть сопок, содержащих разнообразные позднейшие погребения (Облучье, Леха, Лукино, Подневелиха, Дворищи, Боженьки и др.), указана В. В. Седовым в одной из его предыдущих статей (Курганы с ярусными погребениями. Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (далее — КСИИМК), вып. 71, М., 1958, с. 3—11).

рова, обследовавшего эти места в 1910 г., на «широкую островерхую шапку».⁴⁵ Обратившись к районам по течению р. Ловати, мы встречаем уже несколько иную картину. Если для ряда сопок этого района Л. К. Иваповский в 1873 г. и В. В. Седов в 1967 г. отметили широкие горизонтальные площадки на вершинах,⁴⁶ то М. И. Артамонов, проводивший разведку по Ловати в 1928 г., в тех случаях, когда специально характеризовал в полевом дневнике форму сопок, фиксировал как насыпи с плоской вершиной (Витово, Лука, Коровичино), так и насыпи «полусферовидной формы» (Хохлово, Ишлуши, Ильинское, Середка, Тербыши), причем различные формы насыпей не зависело от их размеров.⁴⁷ Учитывая факты полного отсутствия плоских вершин у сопок ряда районов, неоднородность картины в других областях и полное отсутствие достоверных сведений о многих насыпях, нельзя рассматривать горизонтальные площадки на вершинах сопок, отмеченные для части насыпей главным образом по течению р. Ловати, как черту, типичную и обязательную для всех учтенных памятников.

В настоящее время, исходя из имеющихся данных, невозможно уловить какую-либо строгую закономерность в наличии или отсутствии плоских вершин у тех или иных насыпей (например, в отсутствии плоских вершин у небольших по размерам, «переходных» к курганам сопок, как считает В. В. Седов).

Каменные кольца в основании высоких курганов (отличительный признак сопок) считать внешним признаком нельзя, поскольку кольцо, как уже указывалось, может быть обнаружено лишь при раскопках. Впрочем, и сам В. В. Седов признает, что «при сооружении сопок кольцо из камней складывалось если не во всех, то по крайней мере в большинстве случаев прежде, чем насыпалась их земляная часть. Поэтому обычно вещи из камней оказываются скрытыми под насыпями».⁴⁸ Поскольку из огромного количества известных насыпей раскопано лишь «60 с лишним», то становится понятным, почему этот признак нельзя было указать в каталоге для огромной массы курганов, учтенных как сопки. Кроме того, этот признак не может служить основой для выделения сопок до их раскопок, поскольку, с одной

⁴⁵ П. Любомиров. Отчет о раскопках, произведенных в 1910 г. в Новгородской и Тверской губерниях. Зап. Отд. русск. и славянск. археологии Русск. археол. общества (далее — ЗОРСА), СПб., 1913, т. IX, с. 231.

⁴⁶ Л. Иваповский. Материалы для изучения курганов и жальников юго-запада Новгородской губернии. Труды II археол. съезда, СПб., 1881, вып. 2, с. 59—66; А. А. Спицын. Сопки и жальники, с. 146—150; В. В. Седов. Отчет о полевых работах Кривичского отряда в 1967 г. Архив Института археологии АН СССР (далее — Архив ИА АН СССР), Р-1, дела 3477 и 3477а за 1967 г.

⁴⁷ М. И. Артамонов. Отчет о палеоэтнологической рекогносцировке по р. Ловати в пределах Великолукского и Новгородского округов в 1928 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, д. 111 за 1928 г.

⁴⁸ В. В. Седов. Новгородские сопки, с. 12.

стороны, для большинства высоких курганов каменные кольца неизвестны, а с другой стороны, они вообще присущи разнообразным курганным древностям Северо-Запада.

На каких же признаках основана сводка сопок В. В. Седова, если каменные кольца в основании насыпей почти неизвестны, так как не являются внешним признаком, а плоские вершины по характерны для значительной массы сопок, так же как необязательно и соответствие этих признаков? Единственным общим признаком всех учтенных В. В. Седовым, в подавляющем большинстве нераскопанных насыпей является в конечном итоге их значительная высота. Именно поэтому включение насыпей в число сопок на основании, казалось бы, разных признаков (Н. Н. Чернягиным — по высоте, а В. В. Седовым — по наличию плоских вершин и каменных колец в их основании) дает один и тот же результат, что нетрудно заметить, сравнив сводки сопок этих авторов. Таким образом, хотя В. В. Седов и поставил своей целью отойти от традиционных приемов классификации сопок, он на практике, опираясь на принципиально не изменившуюся со времени опубликования в 1941 г. сводки Н. Н. Чернягина источниковедческую базу, был вынужден использовать прежние принципы выделения сопок.

Если предельно кратких данных, указывающих только на значительную высоту насыпей в окрестностях рек Ильменьского бассейна, В. В. Седову вполне достаточно для безоговорочного отнесения их к сопкам (см. многочисленные сведения из книги И. С. Романцева⁴⁹), то при определении границ таких курганов, вполне понятно, он сталкивается со значительными трудностями. Не случайно все сопки, учтенные В. В. Седовым «условно», оказались на окраинах их ареала.

Территориально наиболее близки волховским насыпям сопки по р. Сяси. Лучше всего изучена группа сопок высотой от 2 до 10 м и диаметром от 12 до 30 м у дер. Красной Зари.⁵⁰ По внешнему облику В. И. Равдоникас, хорошо знавший староладожские сопки, не отличал их от последних, характеризуя как «сопки волховского типа». Им были раскопаны две насыпи (высотой 4.75 и 2.75 м), но «никаких каменных сооружений или остатков деревянных ни внутри раскопанных сопок, ни вокруг них не ока-

⁴⁹ Пункты № 236, 260, 289, 296, 368, 438, 456 и т. д. См.: И. С. Романцев. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911, с. 7, 10, 11, 15, 51, 55, 63 и т. д.

⁵⁰ Н. И. Репников. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах. ЗРАО, СПб., 1915, т. XI; В. И. Равдоникас. 1) Раскопки в Приладожье в 1930 г. и некоторые выводы из них. Сообщения Государственной академии истории материальной культуры (далее — ГАИМК), 1931, № 3; 2) Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. Изв. ГАИМК, М.—Л., 1934, вып. 94. — Фотографии сопок см.: W. Raudonikas. Die Normanen der Vikergerzeit und Ladogagebiet. Stockholm, 1930; фотоархив ЛОИА АН СССР, шифр 0265.

залось». «Это — писал В. И. Равдоникас, — корепным образом отличает раскопанные сопки от сопок волховского типа и лишним раз ставит вопрос о позволительности относить все высокие курганы лишь по их внешней форме и величине к одной категории „сопок волховского типа“». Судя по опубликованным В. И. Равдоникасом профилям большой раскопанной сопки, которую он считал «по внешнему виду весьма типичной», вершина ее была округлой.⁵¹ Горизонтальных площадок на вершинах остальных насыпей этой группы В. И. Равдоникас также не отметил. При внешнем осмотре сопок мы также не обнаружили ни колец, ни плоских вершин. Отсутствие данных о двух отличительных признаках не помешало В. В. Седову включить насыпи у дер. Красной Зари в число сопок. То же самое касается и группы сопок у дер. Мелегежи (№ 338), включенных В. В. Седовым в каталог почему-то со ссылкой на сведения «старожитов», а по автору их раскопок А. Колмогорова. Мелегежские насыпи поразили А. Колмогорова своей величиной. «Здесь все курганы — гигантских размеров. Особенно один, имеющий 127 метров в окружности и 12 метров высоты», — пишет исследователь. «В 8 курганах обнаружено трупосожжение, а в девятом не обнаружено никаких следов погребений, если не считать незначительной примеси угля».⁵² Мелегежские сопки входят в число огромных курганов, раскопанных А. Колмогоровым в Тихвинском уезде и не вошедших в сводки Н. Н. Тухтияна и В. В. Седова. Сравнение этих насыпей с учтенными в каталогах сопками представляет определенный интерес. Напомним, что В. С. Пономарев включал насыпи, раскопанные А. Колмогоровым у деревень Мелегежи, Рядани, Татарово, в число сопок, а насыпи у деревень Овино-Горбиничи и Лесницкой, по его мнению, входят в V «классический тип новгородских сопок».⁵³ Н. В. Тухтияна вслед за А. Колмогоровым также называет некоторые из них сопками, а И. И. Ляпушкин, критикуя принцип классификации сопок по их высоте, опять же ссылается на эти насыпи.⁵⁴ Приведем, к примеру, описание большого кургана из группы в урочище Горбиничи, состоящей из 7 насыпей. Один курган, пишет А. Колмогоров, «большой, в виде значительной конической сопки, высотой в 8 метров и 98 метров в окружности, был выложен по основанию крупными камнями (валунами) приблизительно высотой до 1 метра. Насыпан из темно-желтого песка; на глубине 2 метра от поверхности (вершины) появился слой, содержащий значительные куски угля, и вскоре на этом же уровне,

⁵¹ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма..., с. 26, 36 (рис. 44), 37.

⁵² А. Колмогоров. Тихвинские курганы. Труды XV археол. съезда, М., 1914, т. I, с. 418.

⁵³ В. С. Пономарев. Новгородские сопки, л. 31, 32, 67, 70.

⁵⁴ Н. В. Тухтияна. Об этнической принадлежности..., с. 188; И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы..., с. 96.

нимая центральное положение, обнаружен был горшок, обложенный по бокам крупными камнями и содержащий какие-то органические остатки, смешанные с песком, и сожженные человеческие кости. В основании кургана лежал значительный слой щебня, кусочки угля и масса обломков камня, значительно закопченных, и среди угля топор, нож и остаток копья — все со следами действия огня».⁵⁵ Мы не будем перечислять всех огромных насыпей высотой 4—8 м, раскопанных А. Колмогоровым, напомним лишь, что они содержали погребения по обряду трупосожжения, а некоторые — по обряду трупоположения. По внешним признакам эти курганы не отличаются от многих учтенных В. В. Седовым сопок, к тому же часть из них была выложена по основанию камнями и плитами; с другой стороны, по ряду черт погребального обряда они сближаются с финскими курганами Приладожья. Вполне вероятно, что высокие насыпи бассейна р. Сяси (Мелегежа, Тихвин, Красная Заря, Великое Село), учтенные в каталогах Н. Н. Чернягина и В. В. Седова как сопки, о которых до нас дошло очень мало сведений (особенно о внутреннем содержании), по своему культурному облику очень близки огромным насыпям, известным по данным А. Колмогорова. Выяснение соотношения сопок в низовьях Волхова и огромных тихвинских курганов имеет первостепенное значение. Л. А. Голубева в своей последней работе вводит даже особый термин для обозначения тихвинских насыпей — «финские сопки», отличая их от «сопок новгородского типа».⁵⁶ К сожалению, в работе В. В. Седова материалы раскопок А. Колмогорова совсем не упоминаются.

При рассмотрении южной границы сопок обращает на себя внимание тот факт, что если высокие пераскопанные насыпи из разведок Я. В. Стапкевича на Западной Двине (№ 394, 395, 397, 398), для которых ею не отмечены ни плоские вершины, ни каменные кольца в основании,⁵⁷ отнесены В. В. Седовым к сопкам без оговорок, то уже несколько южнее, на р. Каспле, левом притоке Западной Двины, точно такие же по размерам насыпи (№ 399—402), где даже в одном случае (№ 401) известна каменная кладка, а в другом (№ 399) А. Г. Векслером зафиксированы уплощенная вершина и слоистость насыпи, считаются им сопками лишь «условно».⁵⁸ Оснований для такого

⁵⁵ А. Колмогоров. Тихвинские курганы, с. 415.

⁵⁶ Л. А. Голубева. Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973, с. 22, 23, карта 1.

⁵⁷ Я. В. Стапкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, 1960, № 76, с. 224, 234, 256.

⁵⁸ В. В. Седов. Новгородские сопки, табл. 1; А. А. Спидын. 1) Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, СПб., 1906, т. VIII, вып. 1, с. 185; 2) Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. В. Н. Глазовым в Смоленской губ. ЗОРСА, СПб., 1907, т. VII, вып. 2, с. 238, 239; А. Г. Векслер. Археоло-

деления у В. В. Седова пет. Карта сопок, на которой в бассейне Западной Двины показано очень мало пунктов, видимо, в ближайшее время будет значительно пополнена. Так, ряд сопок, еще не учтенных В. В. Седовым, зафиксирован в этом районе Невельской экспедицией Государственного Эрмитажа.⁵⁹ Кроме того, значительное число курганов в этом районе Я. В. Станкевич определила как «сопки» или как «сопкообразные», к сожалению, не дав им подробного описания и не указав даже их размеров (этих данных нет ни в публикации, ни в полевых дневниках).⁶⁰ Такие насыпи В. В. Седовым, разумеется, не включались в сводку, но не исключено, что при дальнейших археологических обследованиях будет обнаружено, что часть из них ничем не отличается от насыпей, учтенных в этом районе автором как «сопки».

Исключая возможность использования выделенных В. В. Седовым двух внешних признаков сопок как всеобщих и отличительных при вычленении собственно сопок среди прочих курганных древностей Северо-Запада, полностью нельзя отрицать значение внешних признаков. Как показывает вся история изучения сопок, традиционный критерий их выделения — значительная высота насыпи — при начальной классификации курганов лесной зоны России отражает определенные закономерности. Дело в том, что высокие курганы, как правило, содержат не одно, а несколько погребений, и поэтому высота насыпи, как неоднократно отмечалось в литературе, часто является «внешним выражением» многоэтапности ее сооружения, следствием неоднократной подсыпки («надстройки») насыпи при совершении очередного захоронения, т. е. внешним проявлением определенного погребального обряда. Насыпи, раскопки которых подтверждают указанные наблюдения, были подробно проанализированы в работе В. В. Седова.⁶¹ Надо полагать, что население, оставившее сопки, насыпало не только огромные, но и сравнительно небольшие насыпи. Именно здесь обычно и возникают скептические вопросы о том, где же та нужная, определяющая высота или как отличить невысокую сопку от других курганов и т. д.

логическое обследование бассейна реки Каспи в Смоленской обл. Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957, вып. 2, с. 340, 341, 343.

⁵⁹ Отчеты Невельской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (авторы отчетов А. М. Микляев и Р. С. Минасян) за 1967 и последующие годы хранятся в Отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.

⁶⁰ Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья..., с. 219—223, 235, 241—246, 251, 287 и т. д. — Дневники разведок хранятся в архиве ЛОИА АН СССР: ф. 35, дела 54 (1949 г.), 47 (1950 г.), 42 (1951 г.) и др.

⁶¹ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, с. 38; Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки, с. 97; В. В. Седов. 1) Кривичи и словене, с. 6, 7; 2) Новгородские сопки, с. 13, 14.

Ответить на этот вопрос исследователи не смогли (А. А. Спицын, В. С. Пономарев, Н. Н. Чернягин, В. В. Седов). Внешний критерий характеризует лишь «крайность» обряда, наиболее полное его проявление, в то время как детальные вопросы можно решить лишь раскопками.

Помимо значительных размеров, многие высокие насыпи Северо-Запада характеризуются особой топографией. В своей книге В. В. Седов, развивая наблюдения В. С. Пономарева, Н. Н. Черныгина и П. Н. Третьякова, пишет, что «чаще всего сопки расположены в одиночку или группируются в небольшие могильники из двух-трех насыпей» и «в отличие от древнерусских курганных могильников, в которых погребальные насыпи всегда расположены скученно, без какого-либо порядка, сопки, составляющие отдельные группы, отдалены одна от другой всегда на более или менее значительные расстояния», от 30—70 до 100—300 м. Кроме того, «обычно в группах сопки расположены цепочкой вдоль берега реки или озера», хотя есть и случаи бессистемного расположения насыпей.⁶²

Обращая особое внимание на размеры и топографию высоких насыпей Северо-Запада, на современном этапе их изучения не следует ограничивать анализ только районами, очерченными в работах П. Н. Черныгина и В. В. Седова. Как-то уж получилось, что в археологическую литературу вошло мнение о том, что сопки настолько уникальны, настолько отличны от окружающих погребальных памятников, что аналогии для них «гораздо легче найти на берегах Балтийского моря, нежели в глубине восточноевропейского материка».⁶³ Но давайте все же посмотрим «в глубины материка». В данном случае особый интерес представляет территория Смоленщины. Еще в 1960 г. В. В. Седов, используя собственные данные широких полевых обследований, убедительно показал, что в этом районе имеется целая группа насыпей, отличающихся по своим размерам и расположению в могильниках от всех известных нам сейчас курганов Смоленщины (длинных, полусферических с трупосожжениями, древнерусских). Обычно это очень крутобокие насыпи с почти отвесными склонами без ровиков, высотой от 2,5 до 5 м при сравнительно небольшом диаметре в 10—20 м, разбросанные по берегам рек либо по одной, либо небольшими группами (не более 7—8 насыпей, чаще 2—5), вытянутыми в цепочки, причем расстояние между отдельными насыпями всегда значительное — порой до 400 м.⁶⁴ Время этих курганов В. В. Седов в 1960 г. не определил, хотя впоследствии отметил, что они принадлежат

⁶² В. В. Седов. Новгородские сопки, с. 10, 11.

⁶³ В. Б. Вплинбахов. По поводу некоторых замечаний П. Н. Третьякова, с. 297.

⁶⁴ В. В. Седов. К вопросу о классификации смоленских курганов. Краткие сообщения Института археологии АН СССР (далее — ИСИА), 1960, вып. 84, с. 7—8.

«дославянскому населению» и известны также на Полотчине и в верховьях Западной Двины.⁶⁵

Анализ материалов бассейна Верхней Оки показывает, что все курганы типа Шапково-Почепок, датируемые концом V—VI вв. н. э., и все курганы, которые предположительно относятся к их числу, во-первых, располагаются по берегам рек либо по одному, либо небольшими группами (2, 3, 6 насыпей), по выражению П. Н. Третьякова, обследовавшего эти районы, «подобно новгородским сопкам», а во-вторых, при довольно значительной высоте — 2—5 м имеют сравнительно небольшой диаметр — в среднем от 10 до 20 м.⁶⁶ Возможно, в этом же плане следует рассматривать ряд больших окских курганов, которые в прошлом столетии пробовал копать Н. И. Булычев. Наиболее интересна группа курганов между деревнями Тимофеевское и Иван-Дуброво па р. Ресе Калужской области. Всего между деревнями имелось 11 курганов, разделенных, как пишет Н. И. Булычев, на три группы: I группа — 3 насыпи, от нее через 0.5 км II группа — 3 насыпи, а еще через 0.2 км III группа — 4 насыпи. Все насыпи были вытянуты как бы в одну линию и лишь один — «большой» — курган отстоял от III группы на 0.2 км в стороне. Между отдельными курганами в группах расстояние от 50 до 80 м. Высота курганов до 4 м, окружность от 24 до 40 м. «Большой» курган имел высоту более 5 м, диаметр — 15 м. Н. И. Булычев раскопал 4 кургана, но ничего в них не нашел, отметив, что в насыпях встречаются отдельные вкрапления угля. В «большом» кургане Н. И. Булычев обнаружил две «кучки косточек», а в верхней трети насыпи, — видимо, остатки впускного погребения по обряду трупоположения.⁶⁷

Большие курганы известны и в Подмосковье, на необходимость их исследования не раз обращали внимание П. Н. Третьяков и А. В. Арциховский.⁶⁸ Лишь о двух таких курганах у нас имеются отчетливые сведения — это известный курган у дер. Беседы (высота 4 м, диаметр 15.5 м) и курган у дер. Покров (вы-

⁶⁵ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвизья. МИА, 1970, № 163, с. 152, прим. 308.

⁶⁶ Впервые на такую особенность расположения ранних окских курганов еще в 1941 г. обратил внимание П. Н. Третьяков, отнеся к таковым насыпи у деревень Покров, Горбепки, Николо-Ленивец, Миленки (Северные восточнославянские племена, с. 49). См. также: Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, с. 5—7, 9—11; П. Н. Третьяков, М. М. Герасимов, М. В. Воеводский. Отчет о раскопках в Тульской и Калужской областях. Археол. исслед. в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, с. 50, 51; Т. И. Никольская. Культура населения бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 1959, № 72, с. 11, 54—56.

⁶⁷ Н. И. Булычев. Журнал раскопок... с. 27—28.

⁶⁸ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., с. 297; А. В. Арциховский. Большой Беседский курган. В кн.: Древние славяне и их соседи. МИА, 1970, № 176, с. 102—105.

сота 4 м, диаметр 16 м).⁶⁹ Оба кургана значительных размеров, стоят обособленно, в их основаниях обнаружены кольцевые грунтовые канавки. Беседский курган неоднократно сопоставлялся с курганами типа Шаньково-Почепок.⁷⁰

Таким образом, на довольно широкой территории имеется значительная группа огромных насыпей, близких по размерам и расположению в могильниках. Сходство этих курганов с ранними окскими насыпями конца V—VI в. н. э. типа Шаньково-Почепок и в то же время их отличие от всех групп погребальных сооружений I тысячелетия н. э. — длинных курганов, курганов с сожжениями VIII—X вв., роменско-боршевских и древнерусских — не дают оснований связать «большие» насыпи ни с одной из этих групп и позволяют поставить вопрос об их существовании в иной период, возможно в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э.

Этот пласт «больших» курганов в более северных районах сменяется сопками. Сходство между ними по ряду признаков (расположение в могильниках, размеры) очень близкое. Если сравнить описание сопок по Западной Двине с описанием «больших» курганов более южных районов, то они не будут отличаться. Именно поэтому, с нашей точки зрения, в вопросе о месте сопок среди прочих погребальных древностей I тысячелетия н. э. первостепенное значение имеет установление их соотношения с «большими» курганами средней полосы. По времени эти древности, видимо, в определенной степени близки — ведь, по мнению В. В. Седова, сопки в основном датируются VII—IX вв. н. э., хотя «песоченно», что первые из них стали сооружаться «уже в середине I тыс. н. э. (ок. VI в.)»,⁷¹ а наиболее хорошо изученная группа «больших» курганов Оки — курганы типа Шаньково-Почепок — датируется концом V—VI в. Точку зрения о том, что именно «большие» курганы Верхнего Поднепровья, напоминающие сопки по форме, величине и расположению в могильниках, дали начало традиции сооружения новгородских сопок, в 1966 г. была высказана П. Н. Третьяковым.⁷² Показательно, что, возражая П. Н. Третьякову и отрицая возможность появления традиции насыпать сопки из Поднепровья, В. В. Седов обращается не к отдельным большим насыпям Смоленщины, а ко всей рассмотренной нами группе «больших» курганов «Верхнего Поднепровья и смежных областей Окского бассейна» и выявляет «существенные различия» именно при раз-

⁶⁹ А. В. Арциховский. 1) Беседские курганы. КСИИМК, 1947, вып. XXI, с. 101; 2) Большой Беседский курган, с. 102—105; А. А. Юшко. Покровские и стрелковские курганы. СА, 1972, № 1, с. 187—190.

⁷⁰ А. В. Арциховский. 1) Беседские курганы, с. 101; 2) Большой Беседский курган, с. 102, 104; П. Н. Третьяков. 1) Восточнославянские племена. М., 1953, с. 240; 2) Финно-угры, балты и славяне..., с. 297.

⁷¹ В. В. Седов. Новгородские сопки, с. 27—28.

⁷² П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., с. 284, 285.

боре наиболее исследованной части этого пласта — курганов типа Шаньково-Почепок. По мнению В. В. Седова, «балтские курганы типа Шаньково-Почепок характеризуются своеобразной кольцевой канавкой и домовиной для помещения остатков трупосожжений. В сопках нет ни того, ни другого. Зато здесь постоянно присутствует подошвенное кольцо, сложенное из валунов, что совсем неизвестно ни на Верхнем Днепре, ни на Верхней Оке».⁷³ Итак, основные различия сводятся В. В. Седовым к этим трем признакам. Проведенный нами анализ сохранившейся документации раскопок Н. И. Булычевым курганов Шаньково-Почепок показал, что предположение о наличии в них домовин основывалось на чертежах, приложенных к архивному делу графом А. А. Бобринским и искаживших истинную картину. Оснований для реконструкции домовин в этих курганах у самого Н. И. Булычева нет.⁷⁴ Что касается кольцевых канавок, являвшихся основаниями деревянных оградок в «больших» курганах Поочья и Подмосковья, и каменных колец в основании сопок, то, вполне возможно, права И. П. Русапова, предполагавшая одинаковое ритуальное значение деревянных круговых оградок и каменных колец в основании курганов и сопок.⁷⁵

Мы далеки от мысли прямолинейно генетически и культурно связывать «большие» курганы средней полосы и сопки, но считаем, что до проведения достаточно широких раскопок этих памятников на территории Смоленщины и в верховьях Западной Двины любое одностороннее решение вопроса об их взаимосвязи будет преждевременным. Общими признаками этих хронологически близких насыпей на огромной территории лесной зоны России являются топография, размеры и обряд трупосожжения. И первоначально надо оценить эти курганы как единое целое. Вместе с тем каждая отдельная сопка, отдельный могильник или памятники одного района характеризуются массой отличительных черт. Именно они позволяют выделять локальные группы сопок, включать или не включать те или иные курганы в их число, рассматривать обособленно сопки отдельных районов, не распространяя выводы на всю территорию и т. д. Поэтому вторым этапом изучения должны явиться не поиски дополнительных внешних признаков рассматриваемых насыпей, помимо их трех наиболее широких характеристик — размеры, топография, обряд сожжения, — как это попытался сделать в 1970 г. В. В. Седов, а расчленение всей массы по внутреннему содержанию. Эту работу пробовал в 1938 г. сделать В. С. Пономарев, а в 1954 г. — В. В. Седов, но для успешного выполнения се

⁷³ В. В. Седов. Новгородские сопки, с. 33.

⁷⁴ Е. И. Носов. К вопросу о происхождении домовин в курганах роменско-боршевской культуры. КСИА, М., 1974, вып. 139, с. 8—13.

⁷⁵ М. П. Русапова. Курганы XI—XII вв. у с. Буки Житомирской области. КСИА, 1967, вып. 110, с. 47.

нужна гораздо более всесторонняя источниковедческая база, чем та, на которую могли опираться эти исследователи. Нам кажется, что слова, сказанные Е. А. Шмидтом о подходе к изучению длинных курганов, можно в определенной степени отнести и к сопкам. Сопки, как и длинные курганы, «видимо, нужно рассматривать как особую форму погребальных сооружений, возникшую в I тысячелетии н. э. у целого ряда племен и отражающую одинаковый уровень их социально-экономического развития, причем эти племена этнически могут и отличаться друг от друга».⁷⁶

В своем исследовании В. В. Седов справедливо отмечает, что точка зрения о варяжской принадлежности всей массы сопок «не имеет каких-либо серьезных оснований», хотя не исключено, что среди захоронений сопок «имеются отдельные погребения пришлых норманнов». Эта мысль весьма удачно проиллюстрирована картами, из которых ясно видно, что определяющим в распространении сопок является не «путь из варяг в греки», а наличие плодородных земель, наиболее пригодных для земледелия. Кроме того, пишет автор, «появляются сопки по крайней мере уже в VII столетии, т. е. задолго до проникновения норманнов в Восточную Европу», а в вещевом материале сопок «нет никаких норманнских элементов».⁷⁷

В. В. Седов делает убедительный вывод о том, что вопрос об этнической принадлежности сопок может быть решен двояко: либо в пользу славян, либо в пользу дославянского населения Новгородской земли.⁷⁸ Такая общая постановка проблемы не вызывает возражений. Значительные трудности возникают при ее конкретном решении, поскольку до настоящего времени исследователи не пришли к единому мнению в вопросе выделения достоверно славянских древностей на территории Северо-Запада. Только детальный анализ погребального обряда и конструкций сопок наряду с изучением связанных с сопками поселений может способствовать решению данного вопроса.

В силу сказанного наибольший интерес представляют разделы работы В. В. Седова, содержащие глубокий, полный анализ погребального обряда сопок, выяснения круга памятников, где находят аналогии отдельные элементы этого обряда. Конкретное рассмотрение материала в главе «Устройство сопок и обряд погребения», тщательно и всесторонне проведенное В. В. Седовым, приводит его к следующим заключениям.

Каменные круговые обкладки. «Ближайшей аналогией сопкам являются курганы с каменной кольцеобразной обкладкой в основании *на территории Юго-Восточной Прибалтики*», хотя «в каком взаимодействии находится обычай сооружать каменные

⁷⁶ Е. А. Шмидт. О смоленских длинных курганах. В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 225.

⁷⁷ В. В. Седов. Новгородские сопки, стр. 29, 30, табл. I и III.

⁷⁸ Там же, с. 29.

венцы в сопках с каменной обкладкой этих курганов — определено сказать пока невозможно» (с. 13).

Каменные вымостки. «...предположение о том, что каменные вымостки сопок восходят к могилам *местного населения Северо-Запада*, представляется вполне правомерным» (с. 18).

Каменные кучи. «...появление в сопках кладок из валунов в виде различных куч можно связывать с *местной западнофинской традицией* и рассматривать как *наследие финского субстратного населения*» (с. 18).

Каменные вымостки треугольной или подтреугольной формы и сложенные из валунов стенки. «...поскольку подобные каменные сооружения в сопках территориально ограничены исключительно нижним течением Волхова, нужно полагать, что их происхождение обусловлено *норманнским пропикповением* в области Южного Приладожья». Однако «в тех же сопках, в которых открыты кладки в форме треугольников и стенки из валунов, имеются сооружения *местного финского происхождения*» (с. 18).

Зольные прослойки в подошве. «...представляется правомерным предположение о происхождении зольных прослоек в основаниях некоторых новгородских сопок под воздействием *западнофинского погребального ритуала*» (с. 15).

Кости животных в насыпях. «Находки костей животных в новгородских сопках (в захоронениях и вне их), видимо, свидетельствуют об участии *местных финно-угорских племен* в этногенезе того населения, которому принадлежат эти памятники» (с. 22).

Захоронение коней в сопках. «Выводы о *балтском* происхождении ритуала конских погребений в новгородских сопках не являются изолированными» (с. 23).

Обычай сооружать сопки. «...лучше полагать, что предки славян новгородских, двигаясь в Приильменье, пересекли земли *балтских племен*, от которых и был позаимствован обычай сооружать курганы» (с. 33).

Бедный и маловыразительный вещевой материал исследованных сопок еще не даст достаточных оснований для разрешения вопроса об этнической принадлежности этих памятников. Лишь анализ керамики позволил В. В. Седову, разделившему ее на две группы, сделать ряд интересных наблюдений. По мнению автора, «судя по фрагментам, наиболее распространенной формой глиняных сосудов были слабо профилированные, близкие к баночным, приземистые (низкие, но широкие) горшки с прямым или слегка отогнутым паружу венчиком», в сложении которых «отразилось влияние *местных финских* керамических форм». Вторую группу керамики сопок «составляют широкогорлые биконические сосуды с резким переломом в плечиках и чуть отогнутым венчиком», ближайшие аналоги которым «находятся в *славянских* памятниках Польского Поморья».⁷⁹

⁷⁹ Там же, с. 24.

В своих общих заключениях В. В. Седов считает, что мы можем «рассматривать сопки как памятники славян, а распространение их в основном в Приильменском бассейне, т. е. там, где, согласно древнерусской летописи, расселились словене новгородские («словени же седоша около езера Ильмеря, и прозвашася своимъ пмянемъ...»)), позволяет видеть в сопках погребальные насыпи этого восточнославянского племени».⁸⁰ Касаясь второго возможного решения вопроса о принадлежности сопок дославянскому населению Северо-Запада, автор отмечает, что «конструкция сопок настолько оригинальна, что, бесспорно, не связана с местными погребальными сооружениями прибалтийско-финских племен»⁸¹ и в то же время «не может быть и речи о балтийской принадлежности сопок, хотя бы потому, что эти памятники целиком находятся вне балтского гидроимического ареала».⁸²

В. В. Седов, справедливо отмечает, что среди предшествующих сопкам погребальных памятников Северо-Запада отсутствуют аналогии всему комплексу элементов, характеризующих в своем единстве погребальный обряд и конструкцию сопок. «Можно говорить, — пишет В. В. Седов, — о присутствии в сопках более или менее значительных элементов прибалтийско-финского происхождения, но в целом рассматриваемые памятники должны относиться к какой-то другой в этническом отношении группе населения».⁸³ Автор отмечает, что «новгородские сопки не обнаруживают какой-либо связи с прибалтийско-финскими памятниками более позднего времени», которые располагаются как раз в тех местах, где сопок нет, в то время как больше связующих элементов имеется между сопками и более поздними славянскими курганами Новгородской земли IX—XIV вв.⁸⁴

Следует отметить, что если общие выводы В. В. Седова весьма вероятны, то их формальное обоснование на конкретном материале еще требует дополнительной аргументации и уточнения. Именно поэтому мы обратили особое внимание на определение В. В. Седовым круга памятников, где имеются аналогии каждому элементу конструкции и обряда сопок. Приведенные данные показывают, что в настоящее время основные трудности возникают при ответе на вопрос, почему все более или менее поддающиеся этническому определению детали конструкции, погребального обряда и вещевого инвентаря сопок (за исключением части керамики) находят аналогии среди финских и балтских древностей Северо-Запада России и Прибалтики, в то время как «памятники, с которыми сопки паходились бы в генетической связи, на территории славян первой половины и середины I ты-

⁸⁰ Там же, с. 32.

⁸¹ Там же, с. 31.

⁸² Там же, с. 33.

⁸³ Там же, с. 31.

⁸⁴ Там же, с. 30—32.

сячелетия н. э. неизвестны».⁸⁵ Именно поэтому В. В. Седов сам несколько ограничивает свой основной вывод о славянской принадлежности сопок и отвечает, что «в период сооружения сопок славяне в Приильмепье, видимо, еще не составляли основную часть населения», что «местное население на первых порах славянизации хоронило умерших в славянских памятниках (сопках), но с сохранением собственных традиций (конструкции из камня)», что «можно считать сопки памятниками смешанного славяно-финского населения», что население Старой Ладogi, «которое насыпало сопки», было «славяно-финским» и даже, «может быть, с преобладанием финского компонента».⁸⁶

Обычно все заключения, касающиеся древней истории населения, оставившего сопки, основываются на анализе только погребального обряда, а такие важные признаки, как тип поселения, жилища, конструкция печи и ряд других остаются слабо изученными. В настоящее время можно лишь наметить связь некоторых сопок с несколькими известными поселениями конца I тысячелетия н. э.

В. В. Седов совершенно правильно отметил, что наиболее отчетливо проявляется связь сопок с нижними слоями Старой Ладogi, где имеются и ближайшие аналогии биконическим сосудам с ребром из ряда сопок. Правда, вклад населения, насыпавшего сопки, в ладожскую культуру еще предстоит выяснить.

Уже в начальный период своего существования Ладога не являлась рядовым сельским поселением, материальная культура ее нижних горизонтов представляет сложный синтез различных элементов. Специфику Старой Ладogi определило прежде всего ее выгодное расположение в низовьях Волхова — в начале водного пути в глубь материка. Последние исследования подтверждают широкие внешние связи Ладogi уже в ранний период ее истории.⁸⁷ О многоэтничном составе ее населения говорят и

⁸⁵ Там же, с. 33.

⁸⁶ Там же, с. 32. — См. также: В. В. Седов. Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря. *Berichte über den II. Internationalen Kongress für slawische Archäologie*. Berlin, 1970, S. 18, 22.

⁸⁷ О. И. Давидан. 1) Гребни Старой Ладogi. Археологический сборник Гос. Эрмитажа (далее — АСГЭ), Л., 1962, вып. 4, с. 95—108; 2) К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi. АСГЭ, Л., 1968, вып. 10, с. 54—63; 3) К вопросу о контактах древней Ладogi со Скандинавией. (По материалам нижнего слоя Старо-ладожского городища). Сканд. сборник, Таллин, 1971, вып. XVI, с. 134—145; 4) Антропоморфные и зооморфные изображения из Старой Ладogi. Тезисы доклада VI Всес. конф. по изуч. сканд. стран и Финляндии, Таллин, 1973, с. 116; O. I. Davidan. *Contacts between Staraja Ladoga and Scandinavia. Varangian problems*. Copenhagen, 1970, p. 79—91; Г. Ф. Корзухина. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi. Сканд. сборник, Таллин, 1971, вып. XVI, с. 123—131; З. А. Львова. Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть I, АСГЭ, Л., 1968, вып. 10, с. 64—97; часть II, АСГЭ, Л., 1970, вып. 12, с. 89—111; К. М. Плоткин. Балтские элементы в нижних горизонтах

различные типы могильных памятников в ее окрестностях (грун-
товый могильник с трупосожжениями у Никольского монастыря,
«вероятно верхнеднепровского происхождения», как считает
П. Н. Третьяков, огромные курганы-сопки, длинный курган, не-
большие полусферические курганы с трупосожжениями на уро-
чище Победище, компактная группа скандинавских низких
курганов на урочище Плакун).⁸⁸ Дискутируется также и вопрос
о генетической преемственности материальной культуры Ладоги
древнерусского времени и более ранней.⁸⁹

Так же отчетливо, как в Ладоге, прослеживается топографи-
ческая связь волховских сопок с поселением у дер. Новые Дубо-
вики на правом берегу р. Волхова, в 9 км выше по течению

Старой Ладоги. В кн.: Проблемы комплексного изучения Северо-Запада
РСФСР. Л., 1972, с. 40—41. — О находке в Старой Ладоге палочки со
скандинавской рунической надписью см.: В. Г. Адмони, Т. И. Силь-
ман. Предварительное сообщение о рунической надписи из Старой
Ладоги. Сообщ. Гос. Эрмитажа, 1957, т. XI; А. Балтин-Кольский.
О рунической надписи из Старой Ладоги. Сканд. сборник, Таллин, 1959,
вып. IV, с. 19—22; В. И. Равдоникас, К. Д. Лаушкин. Об открытии
в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 году. Сканд.
сборник, Таллин, 1959, вып. IV, с. 23—44.

⁸⁸ Н. Е. Брандербург. Курганы Южного Приладожья. МАР, СПб.,
1895, № 18; Г. П. Гроздилов. Курганная группа на правом берегу
р. Волхова у д. М. Чернавино. Отчет Невской археол. экспедиции за
1952 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 721, л. 27—39; Г. Ф. Корзухина.
Курган в урочище Плакун близ Ладоги. КСИА, М., 1971, вып. 125,
с. 59—64; Г. Ф. Корзухина, О. И. Давидан. Раскопки на урочище
Плакун близ Старой Ладоги. В кн.: Археологические открытия 1968 г.
М., 1969, с. 16, 17; С. Н. Орлов. 1) Могильник в Старой Ладоге. Уч. зап.
ЛГУ, серия истор. наук, 1941, вып. 10, № 8, с. 115—118; 2) О раннесла-
вянском грунтовым могильнике с трупосожжением в Старой Ладоге. СА,
1960, № 2, с. 251—253; 3) Сопки волховского типа около Старой Ладоги.
СА, т. XXII, 1955; 4) Новые сведения о сопках волховского типа в районе
Старой Ладоги, СА, 1958, № 1; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты
и славяне..., с. 284, 285; В. И. Равдоникас. Старая Ладога. КСИИМК,
М., 1945, вып. XI, с. 38—41; И. И. Репников. Отчет о поездке на Вол-
хов. Архив ЛОИА АН СССР, ф. Археол. комиссии, д. 86, 1903 г., л. 17—21;
Поездка И. И. Репникова в Старую Ладогу. ЗОРСА, СПб., 1904, т. V,
вып. 2; В. А. Булкин, В. А. Назаренко, Е. П. Носов. О работах
Староладожского отряда. В кн.: Археологические открытия 1971 г. М.,
1972; Е. П. Носов, В. Я. Коенцкий. Исследования на урочище Плакун
близ Старой Ладоги. В кн.: Археологические открытия 1973 г. М., 1974.

⁸⁹ В. И. Равдоникас. Старая Ладога, часть I. СА, 1949, т. XI,
с. 5—54; часть II, СА, 1950, т. XII, с. 7—40; К. Д. Лаушкин. Раскопки
в Старой Ладоге. КСИА, М., 1960, вып. 81, с. 72—76; Г. Ф. Корзухина.
1) О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. СА, 1961,
№ 3, с. 76—84; 2) Этнический состав населения древнейшей Ладоги.
Тез. докл. II научн. конф. по истории, экономике, языку и литературе
сканд. стран и Финляндии, М., 1965, с. 12—14; Н. Н. Воронин,
П. А. Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города.
КСИА, М., 1963, вып. 96, с. 10; А. Л. Монгайт. Рецензия на книгу
М. Н. Тихомирова «Древнерусские города». Вопр. истории, 1957, № 1,
с. 153; В. Б. Виллибахов. Несколько замечаний о теории А. Стен-
дер-Петерсона, с. 323—336; H. Arbm an. 1) Svear i österviking. Stockholm,
1955; 2) The Vikings. London, 1962, и др.

от Старой Ладogi. Здесь у начала волховских порогов с дореволуционного времени было известно укрепленное валом поселение, впоследствии уничтоженное карьером. Шурфовка неукрепленной его части (селыща) Г. П. Гроздиловым в 1952 г. и наши раскопки в 1972 г. показали, что в нем представлен материал, аналогичный находкам нижних горизонтов Старой Ладogi.⁹⁰ Непосредственно рядом с поселением, к югу от него, тянулась цепочка сопки из 7 насыпей (пункт Новые Дубовики), несколько севернее, у дер. Старые Дубовики, находились еще 2 сопки, на другой стороне Волхова известны сопки у деревень Октябрьское и Шкуркиной Горки.⁹¹

Можно отметить топографическую связь большой группы сопок (23 насыпи) и известного городища на р. Сяси, между деревнями Красной Зарей и Городище. Небольшие раскопки на поселении в 1930 г. проводил В. И. Равдоникас, датировавший памятник IX—X вв.⁹² Расположение сопок рядом с сельскими поселениями конца I тысячелетия н. э., содержащими слои с лепной керамикой, зачастую близкой керамике Старой Ладogi, неоднократно отмечал С. Н. Орлов при разведках в окрестностях Новгорода (Любоежа, Горошково и др.).⁹³ Та же картина наблюдается в ряде пунктов, обследованных нами по течению р. Мсты (Золотое Колено, Сурики и др.).

Приведенные примеры показывают определенную, хотя и требующую еще своего уточнения, связь сопок (правда, главным образом в северной части их ареала) и поселений конца I тысячелетия н. э. Но значит ли это, что область распространения сопок очерчивает и область распространения поселений с материальной культурой, близкой культуре нижних горизонтов Старой Ладogi? Для ответа на этот вопрос, к сожалению, пока еще нет достаточных материалов, Во всяком случае дальнейшая

⁹⁰ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 5, д. 384, «Корочки» А. А. Спичина, л. 22; Отчеты археол. комиссии за 1913—1915 гг. Пгр., 1918, с. 164—165; Г. П. Гроздилов. Дневники раскопок Невской археол. экспедиции за 1952 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, дела 62, 63 (1952 г.); Н. Н. Гурьян. 1) Отчет о работе Невской археол. экспедиции за 1952 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 722; 2) Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, М.—Л., 1961, № 87, с. 116—119; Е. Н. П о с о в. 1) Поселение у дер. Новые Дубовики. В кн.: Археологические открытия 1972 г. М., 1973, с. 29; 2) Поселение у волховских порогов. КСИА, вып. 146 (в печати).

⁹¹ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья, карта; Н. И. Репников. Отчет о поездке на Волхов, л. 17—21; Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладogu. ЗОРСА, СПб., 1904, т. V, вып. 2; Н. Н. Чернягин. 1) Отчет по маршрутной рекогносцировке по р. Волхову в 1929 г., л. 20—23, 32—38; 2) Длинные курганы и сопки, пункты № 348—351; В. В. Седов. Новгородские сопки, пункты № 325—328.

⁹² В. И. Равдоникас. 1) Раскопки в Приладожье..., с. 2—4; 2) Памятники эпохи возникновения феодализма..., с. 36—38.

⁹³ С. Н. Орлов, М. М. Аксенов. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода. Новгородский исторический сборник, 1961, вып. 10, с. 166, 167.

увязка высоких курганов с отдельными поселениями и их группами, видимо, позволит по-новому подойти к классификации сопок отдельных районов.

Мы остановились на одном из наиболее «темных» вопросов славянской археологии — на проблеме сопок, древних погребальных насыпей Новгородской земли второй половины I тысячелетия н. э. Несмотря на значительные успехи в изучении сопок за последние годы и попытки выработать более строгие принципы их анализа и классификации, приходится признать, что источниковедческие аспекты проблемы остаются наименее разработанными. Новые сведения о деталях погребального обряда и конструкции сопок накапливались крайне медленно и случайно. Никто не ставил своей задачей целенаправленные раскопки этих памятников; в результате за последние 30 лет было исследовано лишь несколько разрушающихся насыпей. И в настоящее время основную источниковедческую базу составляют дореволюционные материалы, а эволюция в нашем истолковании сопок объясняется главным образом не накоплением новых фактов об этих памятниках, а развитием общих исторических представлений о характере этнических процессов на Северо-Западе России в I—начале II тысячелетия н. э. Неудивительно поэтому, что, когда В. В. Седов — автор последнего и наиболее значительного исследования в этой области — взял на себя самый труд провести общую систематизацию сопок на основе единых критериев и определить их этническую принадлежность и место среди древностей Новгородской земли, неизученность сопок проявилась особенно наглядно. В. В. Седов еще раз привлек внимание исследователей ко многим ключевым вопросам славянской колонизации Северо-Запада России, наметил основные направления их общего решения. Его работа заставила вновь задуматься над рядом общепринятых положений и отчетливо показала, что первоочередной задачей в изучении сопок в настоящее время является конкретная разработка и проверка выдвинутых общих построений.

И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГ

ЗАЕМНЫЙ ПРОЦЕНТ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В.

К хорошо изученным объектам экономической истории средневекового Новгорода отнесется его товарный рынок.¹ Зато денежный рынок этого экономически высокоразвитого центра Северо-Западной Руси остается почти неисследованным. В том

¹ А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода в XIV—XV вв. М., 1963; L. K. G o e t z. Deutsch-russische Handelsgeschichte. Lübeck, 1922.